

тёмное время суток, пространство для пешего или транспортного перемещения, прибор уличного освещения, пункт продажи фармацевтики, лишённый логических обоснований и нарочито неяркий поток фотонов.

даже если осуществлять экзистенцию дополнительные двадцать пять лет – вышеприведённая картина не подвергнется изменению, позитивного разрешения данной коллизии не существует.

если биологическое существование в виде наделённой разумом материи прекратится – бытование начнется с исходной точки, и упомянутые признаки придётся поименовать снова:

тёмное время суток, слабое, оттенка синего цвета, волнение на поверхности воды в протоке, соединяющей две акватории, пункт продажи фармацевтики, пространство для пешего или транспортного перемещения, прибор уличного освещения.

повернув на север реки,
отстрелявшись в досааф,
спит работница дейнеки,
от глобальности устав,
от вербальности измучась,
подложив кулак литой,
ту и ту избравши участь,
отказавшись от не той.
кое-где ещё засада,
копошатся кое-где,
их художник взял как надо,
утопив в большом труде,
захлебнув их панорамой
(за кого бежит, плейбой? –
знамо, общество динамо!)
вечно-бело-голубой.
подскажи, звездой увенчан,
где у них идёт игра?
где там жемчуг новых женщин –
гайки, втулки, штуцера? –
на трёхтонке, под трёхрядку,
вскинув прядку – много миль,
по ранжиру, по порядку
превратясь в сухую пыль.

[песенка]

***

j.k.

мчится в старосадском переулке,
медленным законам невдомёк,
на цепи, багажнике и втулке
пуганый с баулом паренёк,
как давно забытая фанера
над парижем, городом чумы.
боже, заведи себе курьера,
чтобы был напуганным, как мы.
чтобы был на сретенке – последний,
на арбате – мёртвый, слюдяной.
чтобы в телевизоре соседнем
крякал некто уткой подсадной.
выйду в zoom и осушу до дна я
под стихи, читаемые мне.
широка страна моя родная,
но опасней в городе китае
артобстрел на чётной стороне.

от старого света до нового света – три дня
да два приводных, измочаленных в зюзию, ремня
на новой луне, где тоскуют о той стороне,
где никель и медь ничего не теряют в цене.

я тамбурмажор и, наверное, тем поражён,
что музыка ветра гуляет моим этажом,
смущая пыхтящих в любви и поющих во снах,
и нет ни единого, ей подающего знак.

есть некое зеркало в старом немецком дому.
там три поколенья приводят тебя к одному –
сказать «знаменателю»? – но не исчислишь дробей,
где ты притаилась под крышей, пиаф-воробей.

в оплётке соломенной прежнего времени нет,
лишь новые мехи и новые вехи примет,
а если захочешь хоть раз прочитать обо мне –
читай на растущей луне, на растущей луне.